

Мѣстечко Голтва, полтав. губерніи, кобеляк. уѣзда (корреспонденція „Южнаго Края“). Ежегодно на *девятую пятницу* (счотъ пятницъ ведется отъ недѣли Святыхъ праздниковъ, причомъ пятница Пасхальныхъ праздниковъ считается первою. Въ этомъ году *девятая пятница* прилась 12 іюня), здѣсь бываетъ значительная ярмарка, скотская по преимуществу. На эту ярмарку стекается масса народа не только изъ ближайшихъ, но и изъ отдаленныхъ селъ, сосѣднихъ уѣздовъ (роменскаго напр.) и губерній (екатеринославской); сюда съѣзжаются скупщики скота, гуртовщики (*прасолы* по мѣстному). Эта сравнительно большая извѣстность голтвянской ярмарки на *девятую пятницу* зависитъ отчасти отъ мѣста, занимаемаго ярмаркой въ году и давности существованія самой ярмарки, обусловленной географическими причинами, благодаря которымъ мѣстечко, называемое въ народѣ до сихъ поръ *городомъ*, образовалось еще тогда, когда весь прилегающій къ нему край былъ пустъ, незаселенъ. Мѣстечко расположено на высокой горѣ, омываемой съ трехъ сторонъ *Псломъ*; подъѣзды къ нему круты со всѣхъ сторонъ и неразработаны еще и теперь, такъ что проникнуть въ мѣстечко съ тяжелымъ экипажемъ или съ грузомъ трудно и неудобно: тѣмъ болѣе, что прежде чѣмъ проникнуть въ Голтву надопереправляться черезъ сравнительно быструю рѣку *Псель*. Эти условія создали здѣсь еще очень давно поселеніе, прекрасно защищенное со всѣхъ сторонъ. Благодаря этому же, здѣсь въ старину постоянно находились сторожевые пикеты, наблюдавшіе за степными татарами; здѣсь же, говорятъ, былъ и сборный пунктъ на случай опасности... Но возвратимся къ настоящему. Съѣздъ на ярмаркѣ былъ огромный, но купцы были все безденежные. Скотъ по этому продавался дешево, особенно въ среду послѣ обѣда и въ четвергъ. Последнее зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что къ полудню въ среду (ярмарка начинается съ воскресенья) скупщики, гуртовщики уже успѣли закупить все, что могли и оставили ярмарку. За ихъ отъѣздомъ всякое оживленіе ярмарки исчезло, скотъ еще больше палъ въ цѣнѣ, потому что покупателей не оказалось почти вовсе. За пару хорошихъ быковъ въ началѣ платили отъ 120 до 170 рублей, а въ концѣ отъ 100 до 140 рублей. На лошадей покупателей также почти не было и потому лошади продавались очень дешево (болѣе чѣмъ на 20—25% ниже, чѣмъ на ярмаркѣ 1 мая въ Буняковкѣ). Цѣны на хлѣбъ пали также значительно. Рожь покупается по 75, 80 и 85 коп. по мелочамъ и по 90—95 коп. крупными партіями. Гречиха—по 60—65 коп. за пудъ; ямень—по 70—65 коп. за пудъ. Съ пшеницей дѣлъ вовсе не было, съ овсомъ также. Сѣно дешево, потому что убирается при замѣчательно благопріятной погодѣ, уродило, вообще говоря, хорошо и не портится пока ничѣмъ.

Въ общемъ, ярмарка оказалась плохою, безжизненною, всѣ, державшіеся цѣны, такъ и уѣхали, ничего не продавъ. Но эта безжизненность ярмарки, это общее безденежье, это отсутствіе *купилы* (деньги) усиливаетъ, несомнѣнно, ту промышленность, благодаря которой сложилась пословица „на то въ морѣ щука, чтобъ карась не дремалъ“. Особенно, какъ и всегда, на этомъ по-

прищѣ отличаются евреи и цыгане, т. е. лица, живущія исключительно торговлей, перепродажей. Это понятно, потому что ѣсть все-таки надо, торговля же идетъ до нельзя плохо; перепродажи никакой: приходится изловчаться и... изловчаются.

Вотъ по конскому ряду проходить что то въ родѣ барина; съ нимъ мужикъ; они осматриваютъ лошадей, это — покупатели. Цыгане ихъ замѣтили и, пропустивъ ихъ впередъ, устроили засаду. Покупатели идутъ назадъ, ничего не купивъ, даже не торговавши ни одной лошади. Среди ряда они встрѣчаютъ группу цыганъ, торгующихъ лошадей будто бы у мужика. Лошадь росла, красива, но стара и безнога.

— Возмешь 47 руб.? горячится цыганъ.

— Ни... 49 то и такъ! будто флегматично отвѣчаетъ мужикъ.

— Бери 48! — Не буде! — Та бери! Ей богу, кинь не стое тих грошій! убѣждаетъ цыганъ.

— Э розказуй! не стое!... Якъ би не така ярмарка, стоивъ бы и всѣ 60, та ще и съ пяткою (т. е. 65 руб.).

— Кажу тобі — бери 48. Не хочешъ? Ну, давай его сюды; на 49! Слазь съ коня! Тільки уздечка — міні... сується цыганъ.

— Розказуй! я тобі обротьку дамъ! И мужикъ слазить съ коня, но видно въ торопяхъ передаетъ цыгану коня съ уздечкой, и даже безъ соблюденія обычныхъ при этомъ формальностей. Цыганъ тоже видно торопится заплатить деньги; онъ также не замѣчаетъ, что обрядъ передачи коня также пропущенъ, забыть, онъ быстро вынимаетъ 2 двадцатипятирублевыхъ бумажки и суетъ ихъ въ руки мужику. Мужикъ беретъ, но у него нѣтъ сдачи, воть-рыхъ, онъ не знаетъ, сроду не видалъ двадцатипятирублевыхъ бумажекъ.

— Подивіця, паночку, чи це таки бумажки? обращается онъ къ близъ стоявшему пану, осматривавшему съ своими спутниками лошадь. Панъ невольно взялъ бумажки въ руки, осмотрѣлъ и возвратилъ ихъ обратно, удостоивъ ихъ пригодность. Моментально изъ толпы выскакиваетъ 2—3 новыхъ покупателя и въ перебивку торгуютъ лошадь, повышая ей цѣну сразу выше 50 руб. Но панъ ушолъ, невмѣшавшись въ эти торги: игра показала ему слишкомъ очевидно. Компания хотѣла поддѣть простодушнаго ловко подстроенными торгами, но на этотъ разъ плохо разыграла свой фарсъ.

Въ другомъ мѣстѣ цыганки ворожатъ и осматриваютъ карманы наиболее простодушныхъ изъ вѣрующихъ; дѣлаютъ это конечно такъ ловко, что бабы не замѣчаютъ, за то смыслъ и значеніе ворожбы ясно видны окружающимъ. Цыганки уходятъ и въ одномъ карманѣ оказывается недостача въ 20 руб., а въ другомъ — въ 118 руб. Является полиція, идутъ обыски, аресты, но деньги.... Богъ ихъ знаетъ, гдѣ они!...

Въ третьемъ мѣстѣ показывается барыня, покупающая воловъ. Барыня, видно, мало смыслить; устраивается облава и ей продаютъ никуда негодное безногое старье со всевозможными пороками за рабочихъ воловъ. Опять полиція и аресты. Дѣло, впрочемъ, разрѣшается смирно, ко всеобщему удовольствію; барыни возвращаютъ деньги, а продавцовъ отпускаютъ.

Но вотъ передъ группою мужиковъ останавливается еврей съ 3 выдѣланными кожами.

— 35 руб. за три, 10 руб. за штуку! Не купите ли? обращается онъ къ мужикамъ. Тѣ, молча, продолжаютъ *сидати* (завтракать). „Та у васъ и грошій нема!“ говоритъ еврей. „Одвѣчаю усіми кожами, коли въ тебе е хоть десять рублив!“ обращается онъ къ одному изъ завтракавшихъ.

— А давай сюда кожѣ, сучій сыну! Я тобі покажу, якъ сміятись зъ добрыхъ людей! И хохоль беретъ изъ рукъ еврея кожи, кладетъ ихъ себѣ подъ колѣни; затѣмъ достаетъ откуда то *кішеню* (кошелекъ), вынимаетъ оттуда какой то свертокъ, снимаетъ съ него сначала одну тряпочку, потомъ другую, потомъ бумажку, потомъ вновь тряпочку и доходитъ наконецъ до небольшого свертка, обвязаннаго ниткой въ какой то грязной бумажкѣ. Все время, пока хохоль продѣлывалъ обрядъ нахожденія денегъ, а продѣлывалъ онъ это до нельзя медленно, издѣваясь надъ евреемъ, еврей блѣдный, какъ полотно, дрожалъ, невозможно таращилъ глаза, однимъ словомъ дѣлалъ видъ, что онъ дѣйствительно боится, чтобы его кожи, стоящіе 35 руб., не пропали за 10 руб. Но мужикъ, помучивъ его, вдругъ остановился съ разматываніемъ нитки и послѣдней бумажки, скрывавшей его деньги, взялъ кожи и, возвращая еврею, „нема десяти!“ сказалъ, „а то я бѣ тобі показавъ, де раки зимують!“ Еврей вдругъ просіялъ, увидавъ свои кожи внѣ опасности.

Постоялъ немного, посмѣялся надъ мужиками и вдругъ обратился къ козаку, сидѣвшему поодаль: „та и въ тебе нема 10 руб.!“

— Оце міні напастъ! Не вже ты изъ мене хочешъ посміяця.

— Та нема! Ей Богу, нема! Отъ кожи—35 рублей ціна..... Прозакладую, що нема!.....тараториль еврей.

Казакъ взялъ кожи, хотѣлъ ихъ разсмотрѣть, но еврей быстро схватился за нихъ: „ні, це я шуткую, дябьку!“ сказаль онъ, обнаруживая сильное желаніе взять назадъ свои кожи. Да не на такого напаль! Казакъ рванулъ и кожи тотчасъ очутились у него подъ колѣнями. Черезъ минуту деньги были уже въ рукахъ у еврея.... Еврей возмутился, но на него напали со всѣхъ сторонъ. Бѣдняга ушолъ, какъ только могъ скорѣе.

Развернули кожи: всѣ въ дыркахъ, тонки, плохой выработки, красная цѣна за всѣ три 5 рублей!.....

„И скажіть же!... Отто кажутъ: вікъ учись, дурнемъ вмерешь!...“ разсудилъ потомъ казакъ. Жаловаться поліціі—охоты не оказалось; такъ и пропали деньги простака.

Такимъ же родомъ были обмануты и другіе легковѣрные.

